

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ТЕКСТ» И «ДИСКУРС» В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

В статье анализируется соотношение понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике. Учебный текст в практике преподавания иностранного языка рассматривается как «средство», «инструмент» формирования иноязычного дискурса. Доказывается, что целью обучения иностранному языку следует считать формирование учебного дискурса, овладение иностранным языком – дискурсивным процессом, а результатом учебной деятельности – создание учащимся вторичного дискурса и «вторичного», собственного, текста.

Ключевые слова: дискурс, текст, учебная деятельность, учащийся, лингводидактика.

В лингводидактике текст обычно признается основной единицей обучения на русском языке, высшей единицей «обучения речевой деятельности учащихся» [29, с. 87]. Текст, представляя «определенную форму акта коммуникации» [2, с. 6], понимается как «методически целесообразный, аутентичный фрагмент культурно-языкового пространства, в рамках которого моделируется взаимодействие обучаемого посредством управляемой текстовой деятельности» [21, с. 72].

С текста начинается каждая глава учебника по обучению иностранному языку; с опорой на текст в учебном процессе вводится тема, обсуждение которой в целях развития речи также строится вокруг текста и с опорой на него. Текст в условиях обучения, с одной стороны, запускает речемыслительную деятельность учащегося на иностранном языке, с другой – в обновленном, присвоенном учащимся виде завершает эту деятельность.

Однако только ли текст участвует в деле развития речемышления на иностранном языке? Преподаватели, наверное, не раз сталкивались с ситуацией, когда все слова текста понятны, а его смысл не ясен или понимается не так, как хотел автор или предполагал преподаватель; когда текст «не идет» в группе, потому что ассоциации, которые должны возникнуть, не возникают, и сознание воспринимającego текст остается безучастным. Почему устаревают учебники? В первую очередь из-за текстов. Тексты погружают учащегося в ту реальность, в которой они возникли и которую они отражают. Реальность меняется, и приходится создавать новые учебные материалы. «Учебник обычно живет 10 лет», – сказала в частной беседе главный редактор издательства «Златоуст» А.В. Голубева. Хорошие учебники, конечно, живут дольше, но и они устаревают. Автору со временем приходится подновлять тексты или убирать их вовсе, убирать целые главы, вводить новые темы, писать новые тексты. Даже хорошо структурированная и «крепкая» грамматика не может спасти старый учебник. Так, на глазах меняется ставший для нас классическим учебник С.А. Хаврониной «Говорите по-русски». То же можно сказать и о текстах – произведениях художественной литературы, используемых

на занятиях. Например, рассказ В.М. Шукшина «Сапожки», безотказно работавший в аудитории тридцать лет назад, сейчас просто непонятен. Объяснение реалий, отраженных в рассказе, съедает все время. Или же рассказ В. Токаревой «Зигзаг», также активно используемый на занятиях по развитию речи, сейчас в европейских группах вызывает не только удивление, но и полное отторжение, потому что идея альтруизма – бескорыстия, пожертвования благополучием собственной семьи в угоду высоким ценностям – для современной молодежи кажется глупой и надуманной.

Приведенные примеры показывают, что текст, даже отобранный соответственно уровню владения языком учащихся, не всегда способен актуализировать их речевую деятельность. В учебных целях текст, используемый на занятиях, является лишь средством и инструментом коммуникации, стимулом возникновения и реализации коммуникативных намерений учащихся. Текст побуждает вступать в диалог (если понимать диалогичность по Бахтину – как подлинную сущность любого текста, которая «всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [3, с. 285]), используя релевантные данной ситуации языковые средства.

Если учебный текст¹ рассматривать как «средство» и «инструмент» коммуникации, то целью обучения следует считать формирование учебного дискурса, овладение иностранным языком – дискурсивным процессом, а результатом учебной деятельности – создание вторичного дискурса и вторичного, собственного, текста.

Обращение к дискурсу в науке о языке связано с попыткой примирения понятий «текст» и «речь», разрушив оппозицию введением третьего элемента, который парадоксальным образом является «более речевым» (А. Кибрик), чем речь, и способным быть описанным традиционными лингвистическими методами или же, как считает О.Г. Ревзина, собственными методами, отличными от лингвистики текста [30, с. 315].

Определение дискурса находится на пересечении изысканий различных дисциплин – лингвистики, психолингвистики, семиотики, литературоведения, социологии, философии и др., что обусловлено фокусировкой исследовательского

интереса на различных аспектах этого явления (согласно последним данным, на сегодняшний день существует более трехсот определений дискурса). «Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям...» [35, с. 49]. Каждая дисциплина, обращенная или к дискурсу, или к тексту, концентрируется на решении своих задач. В лингводидактике теории дискурса и дискурс-анализ пока не нашли должного применения, хотя именно к лингводидактике понятие дискурса имеет самое прямое отношение, так как, обучая языку, мы обучаем прежде всего иноязычному дискурсу.

Если проанализировать соотношение понятий «текст» и «дискурс», то бегло можно выделить некоторые, наиболее распространенные, аспекты этого соотношения.

Дискурс шире текста. Подобный взгляд на дискурс является наиболее распространенным и за последние тридцать лет сделавшимся наиболее аргументированным. Дискурс, согласно этой точке зрения, «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [10, с. 8]; текст не может быть объяснен «вне социокультурного, исторического, психологического контекста порождения и восприятия текста, другими словами, вне дискурса» [7, с. 36]. Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими-прагматическими, социокультурными и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс» в отличие от термина «текст» не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [20, с. 136–137]. В.Е. Чернявская предлагает учитывать два уровня понимания дискурса: 1) дискурс как коммуникативное событие, зафиксированное в письменных текстах и устной речи, где текст соотносится с вокругтекстовым фоном, 2) дискурс «как совокупность тематически соотнесенных текстов» [35, с. 187], когда содержание дискурса может быть выявлено путем анализа не отдельного текста, а интертекстуально, в комплексном взаимодействии текстов. Таким образом, «дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)» [15, с. 307].

Дискурс выше текста. В.Г. Григорьева предлагает рассматривать дискурс как языковую единицу, расположенную выше уровня текста, однако значительно сложнее организованную, чем нижестоящие

единицы, «включая при этом в парадигму дискурсивных единиц социальные, психологические, кинетические, этнографические моменты» [9, с. 53].

Дискурс существует между речью и текстом. «Дискурс, по мнению В.И. Карасика, – явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в “сухом остатке” общения, с другой стороны» [13, с. 44].

Дискурс – родовое понятие, текст – видовое. Согласно точке зрения В.В. Богданова, текст (в узком смысле слова) понимается как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Таким образом, термины *речь* и *текст* будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс*» [6, с. 5–6]. Понимание отношений текста и дискурса как видовое и родовое мы встречаем также у М.Л. Макарова [22].

Дискурс – это текст. «Лингвистической теории связного текста (*discours*), как считает Ц. Тодоров, пока еще не существует» [29, с. 459]. И. Беллер пишет: «примем следующее рабочее определение связного текста, или дискурса, в соответствии с интуитивным пониманием этого термина... адекватная интерпретация высказывания, выступающего в дискурсе, требует знания предшествующего контекста. Такое определение касается как разговорного дискурса, так и лекции, а также литературных и научных текстов» [4, с. 172].

Текст – это результат дискурса. Как отмечает А.А. Кибрик, в современной лингвистике дискурсом обычно именуется «единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста. Дискурс включает в себя текст как составную часть [16, с. 4]. «Под дискурсом, – пишут Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова, – следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [18, с. 19–20].

Текст – элементарная единица дискурса. Текст, по мнению В.В. Красных, – «элементарная (т. е. базовая, минимальная) единица дискурса» [17, с. 192]. Как фрагмент, его элементарную единицу рассматривают дискурс В.А. Звегинцев, В.В. Богданов. По мнению Н.В. Петровой, «дискурс представляет собой динамический процесс, частью которого является текст» [27, с. 125].

Текст – физическое явление, дискурс – явление абстрактное. «Если текст, – пишет В.А. Андреева, – лишь физический (физиологический) феномен, не имеющий отношения к психическим сущностям, то интерпретации подлежит не текст, а до- и послетекстовые процессы, т. е. дискурс» [1,

с. 49]. По мнению Е.Г. Белявской, «текст представляет собой реальность, данную в непосредственное ощущение: текст можно увидеть, прочитать, передать другому человеку, то есть осуществить в отношении этого текста некоторые действия, не связанные с его изучением в научном плане» [5, с. 24]. Дискурс же «является научной абстракцией, своеобразным гипотетическим «восстановлением» механизмов формирования речевого сообщения, практически не имеющим материальных аналогов объективной действительности» [5, с. 24–25].

Текст экстравертен, дискурс – интравертен. По мнению А.П. Кулявиной, «дискурс является экстравертной фигурой общения, которая представляет совокупность вербальных форм организации и оформления содержания коммуникации представителей определённой лингво-культурной общности. Текст – интравертная фигура коммуникации, которая являет собой совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации коммуникации представителей определённой лингвокультурной общности» [19, с. 1161].

Дискурс – это корпус текстов. Дискурс, как считает Е.В. Иванова, включает совокупность текстов, «объединенных по тем или иным признакам / параметрам» [5, с. 65], обращенных к определенному концепту, теме, предмету, обладающих едиными коммуникативными признаками. Дискурс, по мнению К. Фандрих и М. Турмаир, «материализуется» в единстве множества текстов, следовательно, основным практическим материалом дискурс-анализа является именно корпус текстов [цит. по: 8, с. 7].

Текст – явление постоянное, дискурс – временное. Как отмечают А.А. Кибрик и В.А. Плуниган, дискурс – это «функционирование языка в реальном времени» [15, с. 308]. «Дискурс – живой, он рождается, живет и умирает, когда предмет, который обсуждается, теряет свою актуальность... Текст – вечен (“рукописи не горят”» [28, с. 41–42]. Дискурс рассматривается как актуальное, реальное речевое событие, «текущая речевая деятельность» [11], творимый в речи связанный текст.

Дискурс – это текст плюс ситуация, текст – это дискурс минус ситуация. Подобное понимание дискурса мы встречаем и у П. Шародо, который делает упор на представлении дискурса как взаимобусловленного единства «высказывания» и «коммуникативной ситуации» [36, р. 28]. В.И. Карасик охарактеризовал дискурс как текст, опосредованный ситуацией коммуникации [14]. Как отмечает Н.И. Формановская, «говорящий в коммуникативной ситуации производит свое речевое произведение, опираясь на общую с адресатом денотативную ситуацию, учитывая свои интенции, эмоции, оценки, связывает высказывания по текстовым законам смысловой и структурной целостности, завершенности, когезии и когерентности, оформляя таким

образом «некий результат – текст, т. е. “упаковывая” дискурс в текст» [33, с. 61].

Текст и дискурс – гипоним ⇔ гипероним. По мнению В.А. Андреевой, текст по отношению к дискурсу можно одновременно рассматривать и как гипоним, и как гипероним: «текст – является гипонимом по отношению к дискурсу, так как он существует в определенном дискурсивном пространстве, а также продуцируется и декодируется по его законам; с другой стороны, в рамках одного текста могут сосуществовать разные дискурсы, что позволяет истолковывать текст как гипероним в его сопоставлении с дискурсом» [23, с. 25].

Несмотря на множество определений дискурса и различных подходов к соотношению понятий «дискурс» и «текст», важно то, что, во-первых, обращение к этим явлениям позволяет углубить наши представления об онтологии языка, когда язык рассматривается не просто как средство отображения действительности, форма выражения мыслей и чувств, а как особый мир, отражающий отношения человека и бытия, связь языка с социальным и культурным опытом человека. Во-вторых, дискурс и текст неразрывно связаны. Дискурс – это коммуникативное явление, «включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [10, с. 8]. Текст погружен в дискурс как в световую среду, которая помогает в учебных целях высвечивать в нем необходимые детали, порождать нужные смыслы. И, наконец, в лингводидактике с опорой на текст формируется иноязычный дискурс, который реализуется во вновь созданном, отраженном и преобразованном, присвоенном учащимся тексте.

Текст, лежащий в основе обучения иностранному языку, в учебном процессе оживает только при условии, если он погружен в исторически актуальный или специально актуализированный преподавателем, например, с помощью комментариев, дискурс – среду функционирования текста. Текст, чтобы служить учебным целям, должен быть дискурсивно активным и в процессе работы над ним становится дискурсом. С одной стороны, только с опорой на дискурс, «живую речь» мы обучаем общению на языке, и, с другой, именно в дискурсе проверяется прагматическая пригодность знаний, освоенных учащимся в обучении.

Текст в практике обучения языку – это лишь «послание», адресованное учащемуся с целью пробудить в нем речемыслительную активность. Если текст считать средством коммуникации, то основным способом формирования дискурсивной речемыслительной деятельности являются учебные речевые (УРС) и учебные коммуникативно-речевые ситуации (УКРС) (подробно об УРС и УКРС, их определении и дифференциации см.: [26]). В условиях УРС реализуется речевая деятельность, но

нет коммуникативной деятельности (адресат пассивен), в УКРС же активизируется коммуникативная дискурсивная деятельность (адресат активен). В УКРС учащийся говорит не только для того, чтобы передавать сообщение, но и чтобы активно участвовать в интеракции, строить и корректировать свое речевое поведение из перспективы другого. В условиях УКРС осуществляется контроль речевого поведения личности на основе представлений, которое складывается о ней у других. И учащийся, действуя совместно с другими, осознает себя как речевая личность. УКРС позволяет активизировать речь с учетом понимания социального контекста общения, отношений между участниками общения, строить «когерентный дискурс и совершать выбор наиболее уместных языковых стратегий его осуществления», а также применять «знание различных форматов дискурсивной деятельности, норм и правил коммуникативного поведения в культуре языка общения и многое другое» [34, с. 25].

Безусловно, в практике преподавания иностранных языков опора на дискурс незримо присутствует постоянно. Однако в контексте современной научной парадигмы активное обращение к понятию «дискурс» способно обогатить лингводидактику и приблизить ее к пониманию как проблем, связанных с отбором учебных текстов и методикой работы над ними, так и проблем получения, хранения и переработки знаний, необходимых учащимся для овладения иностранным языком, развитию их умений выбирать и реализовывать программы речевого поведения в зависимости от тем, задач и коммуникативных установок, возникающих на фоне культурного контекста в условиях межкультурной коммуникации.

Примечание

¹ Понятие «учебный текст» в статье понимается широко – как текст, используемый в учебных целях. Учебный текст может быть создан автором учебника с определенными лингводидактическими целями (см., например, учебник по аудированию и развитию устной речи И.В. Одинцовой «Что вы сказали?» [24]). Учебным текстом могут быть публицистические тексты (см., например, учебное пособие И.В. Одинцовой «Он и она» [25]) или тексты художественной литературы (см., например, учебник С. Любенской и И.В. Одинцовой «Advanced Russian: from reading to speaking. От текста к речи» [37]).

Библиографический список

1. Андреева В.А. Текстовые и дискурсивные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2009. – 361 с.
2. Анухтин В.Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 15 с.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 421 с.

4. Беллер И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 172–207.

5. Беляевская Е.Г. Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 22–30.

6. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – СПб.: РИО СПбГУ, 1993. – 68 с.

7. Голоднов А.В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). – СПб.: Астерион, 2011. – 344 с.

8. Голубкова И.В. Дискурс справочников BEWERBUNGSRATGEBER: мультифункциональный текстотип как транслятор знания // Филологические науки. – 2016. – № 2. – С. 7–11.

9. Григорьева В.Г. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. – Тамбов: ТГТУ, 2007. – 288 с.

10. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

11. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). – М.: КомКнига, 2001. – 328 с.

12. Иванова Е.В. Когнитивное моделирование образа природы в медийном экологическом дискурсе // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2009. – Вып. 41: Филология. Искусствоведение. – № 7 (188). – С. 65–72.

13. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 37–64.

14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

15. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М., 1997. – С. 307–322.

16. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... доктора филол. наук. – М., 2003. – 90 с.

17. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

18. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. – М.: Диалог: МГУ, 1997. – С. 19–20.

19. Кулявина А.П. Соотношение понятий «текст» и «дискурс» как методологическая проблема // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 1 (5). – С. 1157–1161.

20. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
21. Мазунова Л.К. Текст как культурно-языковое пространство и единица обучения иностранному языку // Вестник Башкирского университета. – 2001. – № 4. – С. 70–74.
22. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 276 с.
23. Милославская А.И. К вопросу о делимитации понятий «текст», «дискурс» и «нарратив» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 5 (47). – Ч. 1. – С. 146–149.
24. Одинцова И.В. Что вы сказали? Книга по развитию навыков аудирования и устной речи для изучающих русский язык. – СПб.: Златоуст, 2016. – 264 с.
25. Одинцова И.В. Он и она: Пособие по развитию навыков чтения и устной речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 160 с.
26. Одинцова И.В. Учебная коммуникативно-речевая ситуация и учебно-речевая ситуация как методические категории // Вестник ЦМО МГУ. – 2010. – № 1: Методика. – С. 44–51.
27. Петрова Н.В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.
28. Попов А.Ю. Формы экономических текстов и дискурсов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – 155 с.
29. Прокаева Е.П. Текст как средство формирования речевых навыков и умений учащихся национальной школы // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 86 (02). – С. 86–88.
30. Ревзина О.Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста: доклады VII Междунар. конф. МГОПУ им. М.А. Шолохова. – М., 1999. – С. 301–316.
31. Старченко Г.Н. Художественный текст как лингводидактический объект // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 86–88.
32. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 450–463.
33. Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2000. – № 1. – С. 56–63.
34. Цурикова Л.В. Новые направления исследований дискурсивной деятельности и преподавание лингвистических спецкурсов на языковом факультете // Вестник ВГУ. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2009. – № 1. – С. 22–27.
35. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 267 с.
35. Chafe W. Beyond Beads on String and Branches in a Tree // Conceptual Structure, Discourse and Language. – Stanford, 1996. – P. 49–66.
36. Charaudeau P. Langage et discours. – Paris: Hachette, 1983. – 176 p.
37. Lubensky S., Odintsova I. Advanced Russian: from reading to speaking. От текста к речи. Book 1. Texts. Assignments. Dictionary. – USA: Indiana University: Slavica Publishers, 2010. – 366 с.